

Оглавление

Ночной гость	7
Аманда	13
В глуши	21
Коробка	29
Друг тетки Ольги	34
Радио работает	43
Подготовка	59
Вздохи за дверью	66
Первый выпуск «Радио Попова»	84
Снова в школе	88
Отец возвращается	99
«Радио Попова» — о детях, выращенных животными	108
Розыск	112
В подсобке	119
Дурацкая идея	126
Болезнь	132

Обзор литературы от «Радио Попова»	140
Тайны раскрываются — 1	147
План Ирис	154
Ирис шпионит	162
Кулинарные советы «Радио Попова».	178
Тайное собрание	182
С Астером	197
Тайны раскрываются — 2	204
«Радио Попова» — о радиоволнах в космосе.	214
Отец не сдаётся	217
Что делать, когда не спится?	
Советы от «Радио Попова»	225
Таинственный райтер	229
Операция «Рождество»	233
Прощание.	239
Гости прибывают	248
Праздник	263
Рождественская песнь от «Радио Попова»	277
Фотография	280
Заключительные слова, или кто такой был А. С. Попов	285

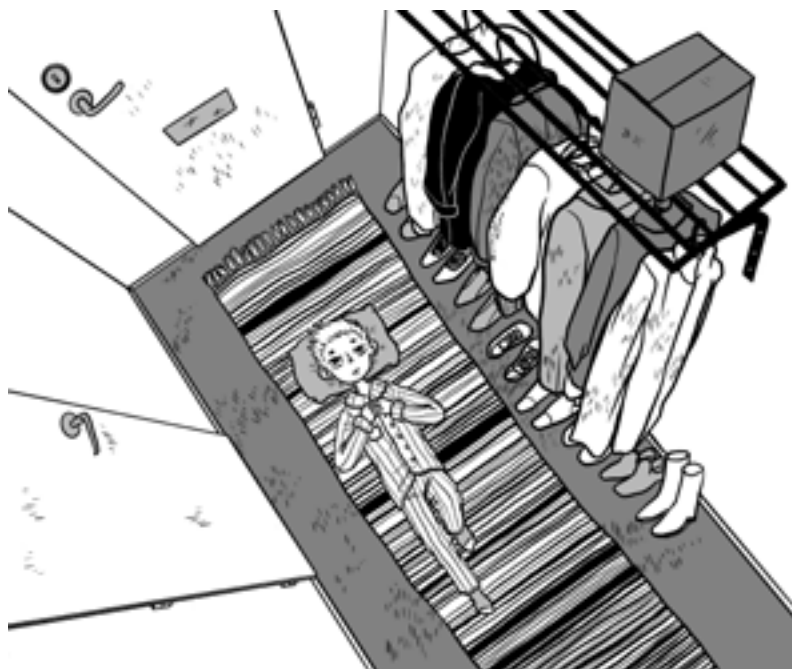
НОЧНОЙ ГОСТЬ

Меня зовут Альфред. Альфред Забытый, я и есть рассказчик этой истории. Все рассказчики знают, что у истории должно быть начало. Что-то, с чего все завертелось и понеслось. Некоторые истории начинаются с событий значительных — как, например, извержение вулкана, чья-то смерть или, наоборот, рождение. Или кто-нибудь получает очень странное письмо. А бывает, что история начинается практически из ничего, из одной мысли, которая вдруг пришла в голову: что если встать с кровати и пойти спать в прихожую, может, хоть там удастся заснуть? Вот у меня в ту октябрьскую ночь все так и началось.

Я уже перепробовал все, что только можно. Открывал окно, переворачивал подушку. Надел носки, снял носки. Попил воды, сходил в туалет, съел половину маринованного огурца, попил еще раз. Ничего

не помогало, тогда я взял под мышку одеяло и подушку и пошел в прихожую. Вытянулся на шершавом коврике, сунул подушку под голову, а под подушку фонарик, я его часто носил в кармане пижамы. Коврик не пылесосили целую вечность. Мелкие камушки впивались в спину, а комки уличной грязи рассыпались подо мной в пыль, но в целом жить можно. Хоть какое-то разнообразие в бессонную ночь.

Я лежал на полу и вслушивался в ночные звуки. В батарее побулькивало, ветки деревьев скребли коготками в кухонное окно. Больше ничего слышно

не было. А, нет, еще у меня урчало в животе. От голода. Ужасно хотелось есть.

Я жил с отцом в доме номер четыре по Керамической улице. Хотя «жил», наверное, надо взять в кавычки. Точнее, в кавычки надо взять «с отцом», потому что отец как раз дома бывал очень редко. То есть считалось, что я живу с ним вместе в просторной квартире многоэтажки, а на самом деле я просто хранился, как на складе, в пространстве из трех комнат и кухни, пока отца не было дома.

На этот раз с отцовского отъезда прошел уже месяц, а то и больше — я сбился со счета. Уезжал отец, по его словам, «заниматься бизнесом» или «на важные переговоры» куда-нибудь на край света. То в Италию, то в Мексику, то на Бали. Куда конкретно и когда вернется, он не рассказывал. В один прекрасный день он просто возникал на пороге, вытаскивал из чемодана какую-нибудь ужасную вазу или статуэтку и водружал на книжную полку. А потом заваливался на диван, а потом снова подскакивал с него, когда приходило время уезжать.

Обычно перед отъездом отец закупал еды, но в этот раз забыл. Я думал, что он оставил мне денег, и даже обрадовался — в кои-то веки смогу сам выбрать, что поесть. Не макароны или хлебцы, нет уж, я купил бы фруктов, и сыра, и свежих булочек, таких, чтобы аж пальцам было горячо! Я залез

в шкаф под раковиной и достал ржавую жестяную коробку, в которой отец держал деньги на хозяйственные расходы. Увы, в коробке осталось лишь несколько монеток — только-только на сухари и туалетную бумагу.

Пришлось как следует изучить кухонные шкафы. Я нашел рис, макароны, сухари. Кетчуп, несколько маринованных огурцов в банке, черствую булочку. Чай в пакетиках и мед. Но теперь запасы подходили к концу. Днем я сварил последние макароны и ножом выковырял из бутылки остатки кетчупа. На ужин у меня был сухарь и подслащенный медом эрл грей — папин любимый чай (сам я его терпеть не могу). Чай пришлось заварить горячей водой из-под крана — чайник не работал. Потому что электричество отключили как раз после того, как я сварил макароны, — отец, видимо, забыл за него заплатить.

В общем, я лежал на полу, чувствуя под спиной камешки, рядом с чашкой недозаваренного чая, и вдруг на лестнице послышались шаги. Потом шаги прекратились и что-то стукнуло. И потом опять шаги, пауза, БУМК! Шаги, пауза, БУМК! В последний раз шаги остановились прямо у моей двери. Теперь ночной гость был от меня на расстоянии вытянутой руки. Я боялся, что живот заурчит и выдаст меня, но в последний момент обошлось.

Я облегченно вздохнул. А может, это был вздох усталости и тревоги. Наверное, всё вместе. Бывает, что для вдоха есть сразу много причин.

По ту сторону двери стало тихо. Я затаил дыхание и прислушался. Тот, кто был за дверью, похоже, сделал то же самое. Я попытался успокоиться, но у меня снова вырвался вздох. Глубокий, как колодец.

За дверью зашуршало.

Я перевел дух и прошептал:

— Кто там?

Молчат. Наверное, не услышали.

— Кто там? — повторил я и приложил ухо к двери.

На лестнице было тихо как в могиле, потом крышка щели для писем хлопнула, и на пол что-то упало. Я нащупал под подушкой фонарик и осветил. Под дверью лежала газета.

Значит, это почтальон. Ошибся дверью. Отец давно ничего не выписывал, он же все равно всегда в отъезде. Он и не знал, что я люблю газеты. Периодически достаю из мусора старые и читаю их от первой до последней страницы. Газета, упавшая в щель для почты, показалась мне свалившимся с неба сокровищем, ведь это моя единственная связь с миром. Электричества-то нет, телефон зарядить нельзя, вообще ничего не работает — ни телевизор, ни компьютер, ни один прибор.

Я раскрыл было газету, чтобы погрузиться в мировые события, представить себя частью происходящего. Чтобы вокруг шумели человеческие голоса, проходили предвыборные кампании, революции и демонстрации. Чтобы затесаться в стайку школьников, которые слоняются по торговому центру, или оказаться на трибунах рядом с футбольными болельщиками. Среди ураганов, извержений вулканов и несущихся с неба метеоритов... Больше я ничего представить не успел, потому что из газеты выкатилось на пол маленькое краснощекое яблоко. Я подхватил его, откусил и снова взялся за газету. Она была какая-то слишком увесистая. Я развернул страницы и осветил фонариком. В развороте оказались серые шерстяные носки и завернутый в бумагу бутерброд. Я с изумлением уставился на свою находку. Почтальон забыл в газетах свой завтрак? Или это чья-то дурацкая шутка? Носки я все-таки надел: чистые, теплые, с тремя полосками — синей, красной и зеленой. Потом жадно вгрызся в бутерброд — хлеб был с овсяными хлопьями, чуть размякший от ломтика огурца, — и только тогда вспомнил, что за дверью кто-то есть. Я вскочил и распахнул дверь. В коридоре было темно и тихо. Ночной гость исчез.

АМАРДА

На следующую ночь я опять пошел спать в прихожую. Вдруг он явится снова? И бросит в щель для почты бутерброд? Телефон у меня разрядился, но батарейка в будильнике еще работала. Я поставил будильник на пол и стал следить за стрелками. Я ждал, когда они дотикают до половины третьего — это когда странный гость приходил вчера.

Время ползло едва-едва, в животе урчало. Было воскресенье, так что за весь день я ел, кроме ночного бутерброда, угадайте что? Правильно, сухари и маринованные огурцы! Теперь поесть горячего удастся только через неделю — с завтрашнего дня в школе начинаются каникулы. От мысли о горячей еде меня даже замутило. Всю неделю питаться огурцами с сухарями? Или сухарями с огурцами? Или по очереди сухари, огурцы и заваренный водой из-под крана

эрл грей? Бр-р! Надо что-то придумать, а то можно и не дотянуть до конца каникул. Может, напроситься к кому-нибудь сгребать листья с лужайки? Или попробовать изображать памятник? Я видел в городе одного такого, выкрашенного серебряной краской.

К счастью, скоро мысли мои приняли другой оборот. Внизу хлопнула дверь подъезда, и с лестничной клетки донеслись знакомые звуки. Шаги, пауза, БУМК! Шаги, пауза, БУМК! Я встал, подкрался к двери и прижался к ней ухом. Послышалось еще несколько осторожных шагов, и стало тихо. Ночной гость стоял за моей дверью. Если бы дверь вдруг растворилась в воздухе, мы бы, наверное, прижались ушами друг к другу. От этой мысли я вздрогнул. Что ему нужно? Он во все квартиры рассовывает бутерброды, или его интересую только я? Хочет заманить меня в ловушку?

Меня тут же начали одолевать ужасные мысли. Такой уж я человек. Подозрительный. Когда остаюсь один, сразу начинаю что-нибудь подозревать. Вообще сложно предположить, что у тех, кто бродит по ночам, может быть на уме что-то хорошее. Наверное, эти носки и бутерброд были не к добру. Наверное, меня хотели напугать. Или даже отравить. Теперь я буду умирать медленно и мучительно. Да-да, и такое возможно! Но сдаваться я не собираюсь, по крайней мере пока. «Лучшая оборона — нападение», — сказал как-то отец туго набитому чемодану, налегая на него

коленкой. Я пытался задерживать дыхание, но в конце концов оно вырвалось, вздох пронесся сквозь меня, как порыв ветра сквозь туннель, и втянулся в стены прихожей, и вся она будто вздрогнула. Хлопнула крышка почтовой щели, и на пол упала газета.

— Лучшая оборона — нападение, — прошептал я, распахнул дверь и выбежал в коридор прямо навстречу ночному гостю.

Гость охнул и отскочил. Я схватил его за низ куртки, чтобы не убежал. От моего рывка гость пошатнулся, и из рук у него что-то посыпалось. Я опустил глаза — оказалось, по полу раскатились некрупные яблоки. Гость что-то пробормотал и наклонился, чтобы их собрать, а поскольку я все еще висел у него на куртке, то и я повалился на пол вслед за яблоками. Привстал на четвереньки, и тут ночной гость резко вскинул голову, боднув меня в подбородок — так сильно, что я даже забыл, что, возможно, нахожусь наедине с опасным преступником.

— И-извините, — проблеял я.

Гость даже не взглянул на меня — он продолжал собирать яблоки в висевшую на плече сумку. Я не придумал ничего лучше, как начать ему помогать. Одно яблоко я сунул тайком в карман пижамы, а остальные отдал хозяину.

— Спасибо. — Гость встал.

Он одернул куртку, пробормотал что-то про выскакивающих под ноги детей и выпрямился. Было так